

34.48.7.1373a

I. Кокъ.

Всеобщая

забастовка

въ Финляндіи.

Переводъ съ финскаго.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

А. Игельстрома.

Учв: 87227.

158
117

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгоиздательство „Другъ Народа“.

1907.

путемъ, но готовые поддержать въ случаѣ надобности силой свои требованія, если бы кто-нибудь вздумалъ взять назадъ завоеванную свободу.

Мирное теченіе финляндской стачки, не сопровождавшейся погромами и кровопролитными столкновениями, какъ у насъ, объясняется общей культурностью страны, политическимъ тактомъ, выдержкой и дисциплинированностью ея политическихъ партій, а также и тѣмъ, что русское правительство, растерявшись и потерявши почву подъ ногами, въ первый разъ рѣшилось дать реформу достаточно широкую для того, чтобы на ней могли временно сойтись разныя направленія.

Финляндія «воскресла», какъ любятъ выражаться конституціоналисты, забывающіе къ сожалѣнію слишкомъ часто, что воскрешеніемъ къ жизни они обязаны столько же энергичному выступленію финскаго рабочаго класса, сколько самоотверженной борьбѣ русскаго народа. Финны сумѣли воспользоваться благоприятнымъ моментомъ и извлечь изъ него всѣ возможные выгоды. Честь имъ и слава! Но почву для успѣха ихъ дѣла создало русское движеніе. Тѣсная связь русской свободы съ финской выступила въ эти дни съ ясностью очевидной для всѣхъ, кто не закрываетъ глазъ умышленно. Русская свобода всегда будетъ необходимымъ условіемъ финской свободы.

Выдающуюся роль въ описанныхъ событіяхъ игралъ авторъ предлагаемыхъ вниманію читателей записокъ Юганъ Кокъ, или Иванъ Ивановичъ Кокъ, какъ его называли русскіе друзья. Выдвинутый волной общественнаго движенія, этотъ скромный, незамѣтный до того времени человекъ сдѣлался на короткое время диктаторомъ Гельсингфорса. Бывшій офицеръ русской, а потомъ финской службы; бросившій военное ремесло по принципу, но сохранившій на всю жизнь любовь къ военному дѣлу и особенно къ военной технике; увлекавшійся когда-то Толстымъ; сдѣлавшійся потомъ социалистомъ не столько по убѣжденіямъ, сколько по чувствамъ; пролетарій по происхожденію, привычкамъ и взглядамъ,—таковъ этотъ финскій диктаторъ, глава столь шумѣвшей финской красной гвардіи. Кокъ знаетъ хорошо русскую жизнь и русскія отношенія, что среди финляндцевъ рѣдкость; онъ умѣлъ отличать официальную Россію отъ неофициальной еще въ то не столь отдаленное время, когда добрые финскіе буржуа представляли себѣ русскую дѣятельность приблизительно такъ: типъ да гладъ, да божья

благодать; наверху—попечительное начальство, культуртрегеръ этихъ необъятныхъ степей, внизу—покорная, спящая масса, вѣковая тишина, нарушаемая по временамъ громкими дѣлами какихъ-то не то нигилистовъ, не то анархистовъ, не имѣющихъ, впрочемъ, ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ и потому достойныхъ больше сожалѣнія, чѣмъ вниманія.

Среди финскихъ рабочихъ, относящихся не только съ предубѣжденіемъ, но и прямо враждебно къ «неггапа» (господамъ), Кокъ пользуется полнымъ довѣріемъ. «Капитанъ Кокъ нашъ человекъ—говорятъ они—мы ему вѣримъ, онъ насъ не продастъ». Такое отношеніе помогло Коку съ честью выйти изъ положенія, лавируя между Сциллой русскаго вмѣшательства и Харибдой анархическихъ тенденцій въ рабочемъ классѣ. Въ запискахъ своихъ Кокъ рисуется человекомъ умѣреннымъ, осторожнымъ, способнымъ вступать въ «дипломатическіе» переговоры съ кн. Оболенскимъ и генераломъ Залыца. Таковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ. Это честный пролетарій и патриотъ, а отнюдь не тотъ атаманъ шайки разбойниковъ, какимъ его рисуютъ мѣстные буржуазныя газеты, а съ ихъ словъ—и русскіе собратья по перу.

Записки Кока въ русскомъ изданіи подвергнуты сокращеніямъ—выкинуто все то чисто мѣстное, что не можетъ представлять интереса для русскаго читателя. Исправленъ также стиль, при чемъ, однако, мы старались по возможности сохранить колоритъ подлинника.

Въ пестромъ калейдоскопѣ событій российской революціи 1905 года мирный финляндскій переворотъ займетъ видное мѣсто. Надѣемся поэтому, что для русскихъ читателей не безинтересно познакомиться съ описаніемъ финляндскихъ событій въ безхитростномъ изложеніи лица, на долю котораго выпала завидная роль одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ захватывающей драмы.

P. S. Эти строки были уже написаны, когда вспыхнуло Свеаборгское возстаніе. Во второй разъ волна русской революціи захлестнула Финляндію, увлекла за собой наиболѣе активныхъ и горячихъ, волна высокая, но короткая. Быстрый подъемъ смѣнился столь же быстрымъ паденіемъ. Кокъ, пославшій на помощь русскимъ товарищамъ отрядъ крас-

ной гвардии, разрушавший желѣзную дорогу, чтобы не допустить подвозъ войскъ, провозгласившій всеобщую забастовку, не имѣвшую успѣха, оказался вынужденнымъ бѣжать, проклинаемый конституціоналистами, оставленный рабочей партией, официально отрекшейся отъ него и красной гвардіи. «Онъ поступилъ безразсудно, онъ потерялъ голову, онъ не рассчиталъ наличное соотношеніе силъ, онъ пустился въ авантюру» слышалось со всѣхъ сторонъ. Пусть такъ. Но мы не бросимъ въ него упрека, мы не забудемъ, что въ Свеаборгѣ рядомъ съ русской кровью пролилась за общее дѣло братская, финская кровь.

А. В. Игельстромъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Я жилъ среди деревенской тишины, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Гельсингфорса, въ то время, когда въ Россіи разыгралась всеобщая забастовка, положившая начало ряду не прекратившихся до сего времени событій. Извѣстія волновали меня. Тишина деревенской природы, недавно еще такъ приятно успокоившая мои нервы, теперь уже не удовлетворяла.

Неужели русское движеніе не найдетъ отклика у насъ? спрашивалъ я себя и не находилъ отвѣта.

Можетъ быть, оно уже отозвалось? Быть можетъ, мой родной городъ уже началъ сбрасывать съ себя оковы, между тѣмъ какъ я, ни о чемъ не вѣдая, прислушиваюсь къ пѣснѣ дождей въ капель и осеннему унылому вздоху сырыхъ сосенъ?

Я рѣшилъ бросить свои мелкія хлопоты по хозяйству и, не вытерпѣвъ, отправился въ Гельсингфорсъ пѣшкомъ, такъ какъ желѣзная дорога бастовала. О, если бы я могъ вообразить, что ожидало меня!

Понедѣльникъ *) я провелъ въ Гельсингфорсѣ, прогуливаясь по желѣзнодорожной площади и по центру города, присматриваясь къ движенію, которое все болѣе и болѣе оживлялось, прислушиваясь къ разговорамъ. Въ груди у людей стало просторно, такъ же какъ и въ моей груди.

Во вторникъ, въ моментъ объявленія забастовки я находился на желѣзнодорожной площади. Среди громаднаго людского моря я замѣтилъ знакомую черную голову Матти Курikka **). Онъ мой товарищъ по школѣ: мы съ нимъ учились когда-то въ Гельсингфорскомъ начальномъ училищѣ. Онъ говорилъ что-то толпѣ. Слышалъ я, какъ онъ, поднимая руку надъ толпою, повелительно произнесъ:

*) 16 октября 1905 г.

**) Вліятельный агитаторъ съ не совсѣмъ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, наполовину социалистъ, наполовину мистикъ, но прекрасный ораторъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Такимъ образомъ я нѣсколькими штрихами описалъ событія всеобщей забастовки. Охотно признаю, что описанныя событія заслуживаютъ болѣе пространнаго изложенія въ болѣе полной и точной формѣ, но я питаю надежду, что эти недостатки въ будущемъ будутъ пополнены кѣмъ-либо другимъ. Кромѣ того, совершенно понятно, что эта задача требуетъ вполне непристрастнаго истолкователя.

Не говорилъ я еще объ одномъ, а именно о забастовкѣ полиціи. Такъ какъ этотъ фактъ не стоялъ въ прямой и непосредственной связи съ моею дѣятельностью на центральной станціи, то я чуть было не умолчалъ о немъ; но узнавъ впоследствии, что многіе смотрятъ на дѣло иначе, я считаю долгомъ коснуться нѣсколькими словами также забастовки полицейскихъ. Не мудрено угадать, какіе безпорядки,—выражаясь самымъ скромнымъ словомъ,—могли бы произойти вслѣдствіе дальнѣйшаго отправленія тогдашней полиціей служебныхъ обязанностей въ столь тревожное время, тогда какъ ее и въ обычное время, въ ея тогдашнемъ составѣ, такъ явно презирали.

Послѣдствія несомнѣнно обнаружилились бы довольно скоро и всеобщая забастовка по всей вѣроятности приняла бы совершенно иной характеръ, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ, когда полиція примкнула къ забастовкѣ. Само собою разумѣется, что полиція, отлично понимая свое опасное положеніе, скрѣпя сердце, ждала спасительнаго толчка извнѣ. Такой толчокъ и послѣдовалъ. Нашлись два лица, освободившія полицію своими убѣжденіями отъ противорѣчія, порожденнаго непріятной служебной необходимостью и инстинктомъ самозащиты, и такимъ образомъ забастовала полиція.

Охрана порядка, легла на рабочихъ; постепенно, по мѣрѣ замиранья жизни, въ рукахъ пролетаріата оказались всѣ отрасли управленія. Установилась настоящая «диктатура пролетаріата». Какой же выводъ можно сдѣлать изъ опыта этой знаменательной недѣли?

Тогда обнаружилась вся гниль нынѣшнихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій такъ рѣзко, что ни одинъ любящій правду человекъ не можетъ отрицать этого факта. Воспитанные въ общественной лжи, люди привыкли считать ту

власть, которая, какъ утверждаютъ, ниспослана Богомъ, съ ея тюрьмами, судьями, обвинителями, доносчиками и шпионами, столь необходимой, что отмѣна ея повлечетъ за собою несчастье и хаосъ. Поэтому-то они такъ сильно и ужаснулись, когда всѣ эти учрежденія съ крѣпкими напитками вдругъ были закрыты. И что же вышло? Хотя во всей странѣ не существовало иного правительства, кромѣ забастовочнаго комитета, наскоро образованнаго изъ рабочихъ, повсюду все-таки царили такое спокойствіе и такой порядокъ, какого въ Финляндіи до сихъ поръ никогда не видали. Таково было правленіе пролетаріата. Да научатся и другіе управлять такимъ же образомъ.

